

НЕУДАВШЕЕСЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО

К истории взаимоотношений Института Гималайских исследований «Урусвати» и Института им. Н.П.Кондакова в Праге

В.А.Росов

В Ежегоднике Музея Н.Рериха в Нью-Йорке за 1930 год (Message, 1931) опубликован длинный список почетных званий Н.К.Рериха, известного художника, ученого, путешественника. В этом ряду есть одна строчка, казалось бы, ничем не примечательная. Сообщение о его высоком титуле — «Protector, Seminarium Kondakovianum, Prague», — Попечитель Семинария Кондакова, Прага. Что же особенного? В эмиграции жизнь текла по своим российским законам — многих русских почитали и жаловали. Однако за скупыми словами о попечительстве стоят сотни архивных страниц, повествующих о взаимоотношениях двух крупных научных учреждений — Института Урусвати и Института им. Н.П.Кондакова. Для исследователя здесь открывается новый горизонт научного знания...

Предлагаемая статья — это расширенный вариант доклада, прочитанного на Международной конференции «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами», которая проходила в Праге 14-15 августа 1995 года. Пусть читателя не смущает название статьи. Оно несколько не умаляет имени Николая Константиновича Рериха, а лишь отражает всю многоплановость человеческих отношений, тесно переплетенных с научной реальностью. В отечественной истории науки не часто ставится вопрос о влиянии сокровитного, эзотерического начала на развитие научной мысли и вытекающих из такого подхода следствиях, затрагивающих уже сложные пути устройства научных организаций. Здесь предпринята именно такая попытка.

Автор искренне благодарит петербургского исследователя *В.Мельникова* и директора Международного фонда «Человечество Будущего» (Прага) *В.Леонтьева* за помощь, оказанную при подготовке данной работы.

I.

Тема, заявленная в названии доклада, имеет узконаучный, конкретный характер. На первый взгляд, она не выходит за пределы взаимоотношений в среде русской эмиграции, которую представляли различные группы ученых и деятелей культуры. Одно научное учреждение — Институт им. Н.П.Кондакова в Праге, расположенный в центре Европы, можно сказать, в сердце русской эмиграции, другое — Институт Гималайских исследований «Урусвати» — на вершинах высочайших в мире гор, в глубинах Азии; вместе они — это два полюса русского рассеяния. Тот незримый магнит, который создавал волны культурной жизни не только в русской зарубежной среде, но и в мировом пространстве культуры, он продолжает и поныне свое возмущающее влияние на человеческие умы. Ибо с деятельностью русских учреждений за границей в 20-е и 30-е годы выявились новые, облагораживающие идеи, вливающиеся в нашу современную культуру и необходимые сегодня, как глоток свежего воздуха, — идеи евразийства, славянского возрождения, религиозного характера русской культуры, Пакта и Знамени Мира. Все они — не востребованный потенциал для будущей России.

Тематике Института им. Н.П.Кондакова посвящено несколько обзорных исследований (Rhinelande, 1974; Skálová, 1991; Пашуто, 1992). Обладая всеобщим подходом, они освещают и конкретные стороны жизни этого научного учреждения. Однако, такая конкретность часто носит поверхностный характер, противоречит научным истинам, запрятанным в малодоступных архивах. Детальное изучение становления научной жизни как Института им. Н.П.Кондакова, так и Института Урусвати только начинается. Упомянем лишь добротную статью, посвященную завершающему этапу существования Института им. Н.П.Кондакова, «попыткам реанимации» его деятельности в послевоенный период, сразу по окончании Второй мировой войны вплоть до 1952 года (Аксенова, 1993).

В предлагаемом сообщении освещается один из аспектов преобразования Семинария Кондакова в Институт его имени. Работа проделана на основе исследований в российских и индийских архивах, условно объединенных общим названием в некогда целостный архив Института Урусвати (АРИУР), который существовал как собрание документов при институте, основанном Н.К.Рерихом в Британской Индии, в долине Кулу (1928). Другим источником, обеспечившим научный поиск, стали материалы в архиве Института истории искусств АН ЧР в Праге — фонд Археологического института им. Н.П.Кондакова.

Использованные источники не претендуют на полноту сведений по затрагиваемому вопросу. Они, в лучшем случае, позволяют выявить только контуры темы и свидетельствуют о необходимости нового этапа исследований. В них содержатся автографы и копии — около 100 единиц хранения, более 150 листов документов, в основном — переписка руководителей Семинара Кондакова или, следуя традиции установившегося ранее названия, Семинария им. Н.П.Кондакова — А.П.Калитинского, Д.А.Расовского, Г.В.Вернадского, Н.П.Толля со всемирно известным художником, ученым и деятелем культуры Н.К.Рерихом, а также с директором Гималайского института Ю.Н.Рерихом и генеральным секретарем Ассоциации друзей Музея Рериха во Франции Г.Г.Шклявером.

II.

На рубеже 20-х и 30-х годов научные и культурные учреждения в эмиграции оказались в тяжелых материальных условиях — страны Европы охватил мировой экономический кризис. Эмигрантские организации, находившиеся целое десятилетие в относительном благополучии благодаря «русской акции» в Чехословакии, стали слабеть и угасать. Финансирование русских научных, культурных и образовательных учреждений, благосклонно поддержанных чехословацким правительством, практически сошло на нет. Остро выявился вопрос об их преобразовании.

В такое же бедственное положение попал и широко известный в научном мире *Seminarium Kondakovianum* — Семинарий Кондакова, вследствие сокращения финансовой помощи. Начался поиск путей выживания в новых условиях. После первых контактов директора

Семинария, проф. А.П.Калитинского с Н.К.Рерихом, осенью 1929 года появилась надежда на преобразование Семинария в Археологический институт им. Н.П.Кондакова под протекторатом Музея Н.Рериха в Нью-Йорке, что обещало идейное руководство и материальную помощь. В течение ряда месяцев происходил обмен письмами между А.П.Калитинским — с одной стороны, и Н.К.Рерихом и Ю.Н.Рерихом — с другой. (Н.К.Рерих прибыл из Индии в связи с открытием 17 ноября 1929 года нового здания Музея его имени в Америке и некоторое время находился на Западе вместе со своим сыном, востоковедом Юрием Рерихом). Летом 1930 года в Париже состоялась личная встреча всех троих. Незадолго до этой встречи Н.К.Рерих направил А.П.Калитинскому письмо, которое свидетельствует о доверительных отношениях, сложившихся между ними. *«5 июня 1930. California Hotel, Paris. Дорогой Александр Петрович, письмо Ваше доставило мне истинную радость. Сейчас мы можем собираться около понятия культуры, и, конечно, Вам это прекрасное понятие особенно близко, как ученому. Всегда буду рад встретиться с Вами. Не знаете ли, идет ли в «Вольной Сибири» моя статья «Свет пустыни»? Понятие Сибири как центра Азии (Алтай) драгоценно. Шлю Вам лучший привет. Искренно, Ваш Н.Рерих»* [1].

Был еще один немаловажный момент, повлиявший на исход парижской встречи. Н.К.Рерих хорошо отзывался о деятельности в эмиграции жены Калитинского — известной сценической актрисы М.Н.Германовой, которая активно сотрудничала с рериховскими организациями в Париже, в частности, с Ассоциацией друзей Музея Рериха во Франции (Association Francaise des Amis du Roerich Museum). Именно летом 1930 года «прекрасная артистка Мария Германова, прославленная русская Дузе», как назвал ее Рерих, обратилась с посланием к великому художнику, в котором она высказала призывную «мысль о Женском Единении» во имя высших ценностей культуры (Рерих, 1931). Подобные мысли были очень близки всей семье Рерихов. Жена признанного мастера — Е.И.Рерих еще весной того же 1930 года писала друзьям в Америку о необходимости начала женского единения как движения Сестер Золотой Горы. В ответном письме к Германовой Н.К.Рерих желал Сестрам Золотой Горы или Сестрам Алтая «неутомимо, героически терпеливо строить светлый Звенигород». Этот фактор, видимо, также сыграл положительную роль при встрече с руководителем Семинария Кондакова.

В июле 1930 года налаживаются научные контакты между Семинарием и Институтом Урусвати. А.П.Калитинский избирается членом-корреспондентом Института Гималайских исследований. А в конце августа ему сообщают уже о новом избрании — почетным членом Американского общества друзей Музея Рериха (American Society of Friends of the Roerich Museum). Сам Н.К.Рерих подтвердил официальное сообщение личным письмом. «5 сентября 1930. Дорогой профессор Калитинский, с радостью илю Вам вести, что на Собрании Американского Общества друзей Музея Рериха Вы избраны почетным членом этого Общества. Надеюсь, Вы внесете ценный вклад в нашу культурную работу. Искренно, Ваш Николай Рерих» [2]. От имени Музея в Нью-Йорке делаются большие закупки литературы, выпускаемой Семинарием Кондакова, с целью поддержать русских ученых и их пражское учреждение.

Тем временем вопрос о преобразовании Семинария выдвинулся на первый план. Уже 1 сентября 1930 года Калитинский писал Рериху в Париж: «Глубокоуважаемый и дорогой Николай Константинович, когда я приехал в Прагу, то собрал всех сотрудников-основателей Seminarium Kondakovianum, рассказал им о Вашем желании прийти на помощь нашей научной работе и предложил высказаться откровенно, согласны ли они идти по пути превращения Семинария в Институт. Все единогласно просили меня передать Вам благодарность за обещанную помощь и просят Вас принять звание Почетного Попечителя Института» [3]. После этого обращения Рерих принял на себя титул Попечителя или Протектора новообразуемого Института. В своем ответном письме от 22 сентября 1930 года он поблагодарил проф. Калитинского за высокое звание и выразил «полное согласие, что необходимо преобразовать Семинариум в «Институт Кондакова», будущее которого сослужит великую пользу российской и мировой науке» [4]. Он сообщил об этом решении в главное учреждение — Музей Рериха в Нью-Йорке и запросил у Совета директоров финансовую поддержку в размере 2-х тысяч амер. долларов в год на содержание руководящего состава Института.

III.

Благосклонное отношение Н.К.Рериха к научной эмиграции в Чехословакии было обусловлено и тем глубоким чувством, которое он

питал с давних пор к первой зарубежной стране своего творческого успеха. Дело в том, что именно в Праге в 1905 году прошла первая его художественная выставка вне пределов России. Она была устроена чехословацким обществом «Manes» и широко освещалась в местной прессе — в журналах «Volne Smeri» (F.H.Saldo, 1906, N 3) и «Dilo» (M.Marten, 1906). С журналистом Милошем Мартеном у художника завязалась крепкая дружба и переписка на долгие годы [5]. В своем очерке «Злата Прага» Рерих выражает особенное отношение к Чехословакии и приводит целый ряд известных имен, с которыми свела его судьба, — президент республики Т.Масарик, министр иностранных дел Э.Бенеш, посланник Чехословакии в Вашингтоне Ф.Веверка, видный деятель генерал Клецанда (Рерих, 1991). С первыми двумя Рерих состоял в дружеской переписке, которую еще только предстоит выявить, вероятно, в архивных собраниях Праги.

Наряду с этим есть и другое существенное обстоятельство. С молодых лет Рерих был дружен с самим академиком Кондаковым, являвшимся патриархом в области изучения истории и культуры Византии. Оба они участвовали в работе Императорского Русского Археологического Общества (ИРАО). Сотрудничали на равных на поприще археологической науки. Именно Кондаков представлял Рериха в Академии Художеств при избрании его академиком. Известен также случай обсуждения книги П.П.Покрышкина «Православная церковная архитектура XII-XVII столетий в нынешнем Сербском Королевстве» (1907), когда Рерих, сыгравший первую скрипку при голосовании о присуждении автору книги серебряной медали ИРАО, выступил со-оппонентом Кондакова [6].

Сохранившееся в российских архивах одно из немногих писем Рериха к Кондакову, датированное 1901 годом, раскрывает широту их взаимоотношений не только на профессиональном уровне, но и в общекультурном плане — в устройстве художественных выставок, в подготовке лекций и пр. [7]. Существует достоверное упоминание в литературе о том, что Кондаков имел в своей личной коллекции картину Н.К.Рериха «Саввин Сторожевский монастырь» (1904), переданную ему художником в дар (Эрнст, 1918).

Весомым стало также обстоятельство давнего знакомства Рериха и Калитинского. История их взаимных симпатий уходит в дореволюционную Россию — эпоху научного благоденствия. Познакомились они, вероятно, в связи с деятельностью Императорского Московского Архе-

ологического Института имени Императора Николая II (ИМАИ). В мае 1913 года открылся археологический съезд членов ИМАИ в память 300-летия Дома Романовых. Калитинский, будучи студентом, точнее — действительным слушателем III курса Института, входил в состав Бюро съезда, а по окончании Института занимал должность секретаря Совета ИМАИ. В то время как Рерих, именитый ученый-археолог, являлся почетным членом ИМАИ (1910), избранным по параграфу 14 Устава, как «оказавший Институту особые услуги» (Отчет..., 1914). Вместе с Рерихом почетными членами состояли и академик Н.П.Кондаков (1907), и княгини М.К.Тенишева и Е.К.Святополк-Четвертинская (1911), и барон М.А.Таубе (1912). Все они позже во главе с Калитинским как раз и составили в Праге идейное основание и ядро Семинария им. Н.П.Кондакова.

IV.

Преобразование Семинария в Институт предполагалось провести, сделав его одним из главных учреждений в системе организаций, созданных Рерихом в Америке, Европе и Индии. После летней встречи 1930 года Рерих вскоре отбывает в Индию, и длительное время в письмах обсуждается детально вопрос «аффиляции» Семинария с Институтом Урусвати. В этой связи уточняются существующие и возможные источники финансирования из бюджета разных отделов правительственного аппарата Чехословакии — Министерства Иностранных Дел, Министерства Народного Просвещения, Министерства Внутренних Дел. Весь годовой бюджет нового Института должен был составить примерно 10 тысяч амер.долларов — сумма немалая на то время.

В ходе обсуждения деятельности обоих институтов обнаруживается между ними существенная разница, по оценке их руководителей, в методах. Семинарий Кондакова — это орган, объединяющий научные силы в эмиграции, по изучению древностей России, Востока и Византии, который был составлен из основного ядра молодых учеников Н.П.Кондакова и других уже маститых ученых. Калитинский писал на Гималаи, что «сейчас вне России только мы поставили себе задачей уяснение истоков русской культуры, следуя кондаковскому методу» [8]. Основная проблематика научного поиска — икона и кочевники. В Семинарии Кондакова

собрались теоретики, здесь — вынужденная теория, а в Институте Урусвати — непосредственное соприкосновение с объектом исследования (экспедиции, раскопки, натурные исследования). Как бы два различных подхода: акт искусства с его откровениями и акт науки с ее открытиями. Урусвати «отличается и универсальностью своих задач по сравнению с узко специальным назначением» Института Кондакова [9].

Несмотря на «разницу в методах», и Семинарий Кондакова, и Институт Урусвати сходным образом ставят задачу уяснения истоков русской культуры. Причем, внимание сосредотачивается на изучении древностей России, в первом случае — именно Византии в связи с Востоком, во втором — Востока, культуры Гималаев, в связи с Западом. Оба учреждения заняты поиском алгоритма славянства. Корни славянства, — неизменно считает Рерих, — следует искать в Гималаях.

V.

Вопрос о методах, используемых в научной работе, рассматривается наряду с другими, как один из основных в проблеме аффиляции. Проф. Калитинский отстаивает «свободу» Семинария-Института. Н.К.Рерих, со своей стороны, сомневается в чистоте источников финансирования пражского учреждения. Некоторые недоговоренности и утаивание отдельных фактов, сделавших бы историю Семинария ясной в мельчайших подробностях, вызывают (таков уж был Рерих!) в кругу рериховских организаций сомнение в поддержке его одним лишь правительством Чехословацкой Республики. Случалось, что в среде эмиграции редкие учреждения являлись крышей для ОГПУ и их деятельность, по тем или иным причинам, направлялась и даже оплачивалась из Москвы. Конечно, в данном случае Семинарий осуществлял единственно научную программу, но настороженность, особенно там, где появлялись какие-то темные углы, была закономерной линией поведения рериховского сообщества.

Рерих наводит справки о «благонадежности» пражского учреждения. Делает он это через представителя Ассоциации друзей Музея Рериха во Франции Г.Г.Шклявера, который собрал нужную информацию через близких Н.К.Рериху лиц в правительстве Чехословакии. Шклявер высказывается в секретном меморандуме за № 3678 от 2 марта 1932

года на имя Ю.Н.Рериха о нежелательности сотрудничества, несмотря на то, что чехословацкие власти «одобряют деятельность Института Кондакова». Он заключает: «Я должен добавить к этому официальному сообщению, что после моего недавнего разговора с проф. Калитинским (26 февраля) кажется нежелательным продолжать переговоры с Институтом вследствие существующего отношения господина Калитинского к профессору Рериху и нашим Организациям» [10]. Вслед за этим Совет директоров Музея Рериха в Нью-Йорке выносит отрицательное решение и присылает формальное уведомление от 28 марта 1932 года о невозможности оказать финансовую поддержку Институту Кондакова.

Вероятно, отказ Рериха от сотрудничества обусловлен был также и тем, что руководство Семинария проявило некоторую самостоятельность в решении своего преобразования в Институт. Новый статус давал основание для помощи со стороны правительства Чехословакии. Устав Института им. Н.П.Кондакова был утвержден властями 1 июля 1931 года. Таким образом, документы были переоформлены до проведения окончательных переговоров с Рерихом. «Семинария уже нет, родился Институт» [11]. Наверяд ли такое решение можно назвать поспешным. Оно было продиктовано исключительно экономическими соображениями. Переговоры затянулись и длились к тому времени более полутора лет. После регистрации устава руководство новообразованного Института не отказалось от последующей аффиляции. Но так как, условно принявший попечительство, Рерих уже внес в 1930 году сумму в 500 амер. долларов на поддержание деятельности русских ученых и фактически считал себя до некоторой степени имеющим право на руководство пражским учреждением, то он отказался от дальнейшего сотрудничества.

VI.

Нельзя обойти молчанием, что в итоговом решении Рериха присутствует и внутренний, эзотерический элемент. Немаловажным фактором, вызвавшим его настороженность и отразившимся на сотрудничестве с Прагой, явилось заболевание Калитинского шизофренией. В конце сентября 1930 года проф. Калитинский на время выбывает из Семинария по болезни и переезжает в Париж к жене. Только к концу года

здоровье директора относительно восстанавливается. Он постепенно включается в работу. Рерих сразу же, по извещении его об умопомрачении Калитинского и получении нескольких писем от сотрудников Семинария о ходе заболевания, связался с Советом директоров Музея в Нью-Йорке и указал «нигде не упоминать о вышеозначенном избрании его Протектором Института» [12]. Однако Ежегодник Музея за 1930 год находился уже в издательстве и сведения о новом титуле Н.К.Рериха все-таки попали в печать. Совет Музея вынужден был снять предложенную Институту Кондакова субсидию и на время отложить решение денежного вопроса. У Рериха, видимо, появилось подозрение, что болезнь Калитинского представляет собой психическое расстройство, которое в христианском народе называется «одержанием бесами». Это сложный и достаточно тактичный вопрос. Тем не менее, без его освещения трудно будет иметь полную картину происходящих событий. В одном из писем к Германовой, направленных сразу по получении подробных сведений от Д.А.Расовского, Н.П.Толля и княгини Н.Г.Яшвиц об обстоятельствах госпитализации Калитинского, Рерих проясняет причину своей симпатии к учреждению Института Кондакова. «9 окт<ября> 1930. Дорогая, родная Мария Николаевна. Конечно, Вы чувствуете, какая радость была для всех нас — Чудо Св.Сергия, данное выздоровлением А<лександра> П<етровича>. Продолжайте молитвы и дайте А<лександру> П<етровичу> покой. Рады мы и за Институт. Ведь Вы знаете, что основной причиной моего привхождения было руководство А<лександра> П<етровича> Институтом. Без него я не вижу Института, ведь каждое дерево должно расти под опытной рукою. Так и скажите. В субботу 11-го окт<ября> мы выходим на Пондишерри, где будем гостями Губернатора. С помощью Св.Сергия продвинемся и дальше, если это нужно. На rue de Poitiers будет наш адрес. Прибываем в Пондишерри 4 ноября. Прямой пароход идет туда лишь раз в месяц. Шлю Вам и силу, и здоровье. После потрясения берегите не только А<лександра> П<етровича>, но и себя. Сейчас самое трудное время, как Вы и чужли уже давно. Юрий шлет Вам всем лучшие мысли. Да хранит Вас Владыка Св.Сергий. Пишите обо всем. Целуем Андрюшу.* Духом с Вами. РХ **» [13].

Ровно через три месяца последовало очередное письмо Рериха, которое в развитие предыдущего важно будет здесь обязательно привести. «Января 9-го, 1931 года. Дорогие Мария Николаевна и Александр Петрович, Ваши письма, как всегда, доставили нам всем глубокую

---

* Андрюша — сын А.П.Калитинского и М.Н.Германовой.

** Подпись Н.К.Рериха в виде монограммы.

радость, и я был очень тронут письмом Александра Петровича, а также Вашими мыслями о «Ските». Что касается до Пражского Института, то я еще в Париже говорил Мар<ии> Ник<олаевне> и писал ей в Прагу, что для меня этот Институт существует лишь под непосредственным руководством Александра Петровича. Но тогда же пришло письмо княгини Яшивиль о приглашении проф. Вернадского. Теперь же я получил от него самого письмо, копию которого Вам переслал. Должен сказать, что это письмо произвело на меня довольно смутное впечатление, тем более, что до моего отъезда из Парижа нам <с Вами> не удалось договориться ни о конституции, ни о программе Института. Я полагаю, что все дальнейшее мы оставим до более благоприятного часа, когда Бог судит нам опять встретиться. Отсюда обратные ближайшие указания будут брать шесть недель и, не установив все точно на коротких расстояниях, невозможно переносить на длинные расстояния. Словом, оставим все дело в первобытном виде» [14]. Это было последнее письмо Н.К.Рериха. Ни Германовой, ни Калитинскому он более не писал; дальнейшая переписка шла от его имени через Ю.Н.Рериха и Г.Г.Шклявера. Причем, следует обратить внимание на то, что январское письмо Рериха не имеет подписи (анализ писем Рериха показывает использование им разнообразных подписей — от автографов до машинописной буквы «Р.»), что говорит о нежелании иметь обратную психическую связь. Это уже действие оккультного свойства. Тем более, что в письме Рерих предложил оставить «все дело в первобытном виде», т.е. прекратить переговоры об Институте до лучших времен.

Мнение об «одержании» начало все больше и больше фигурировать в письмах Н.К.Рериха к его корреспондентам во Францию в конце 1931 и в начале 1932 годов. Причиной стали непонимания и ссоры, возникавшие в Ассоциации друзей Музея Рериха в Париже. Германова, впрочем, и ее муж, сам проф. Калитинский, были обвинены в некорректном поведении при распределении платных лекций, проводимых по линии Ассоциации и оплачиваемых на редкость высоко. В бедственных условиях эмиграция боролась за существование. Рерих просил своего родственника и близкого сотрудника барона фон Таубе: «Напишите откровенно, очень ли вредит Германова? Прямо не знаем, что с нею, точно какое-то одержание! Главное, прискорбно, что она всем дает совершенно противоречивые сообщения, от которых потом сама письменно отказывается. Не перешло ли к ней от мужа ее?» [15].

Парижские корреспонденты сообщали о развитии конфликта. Он разрастался и в глазах Рериха приобретал черты открытого столкновения носителей света с силами тьмы, Комитета Пакта «против одержимой Герм<ановой> и ее не менее одержимого супруга» [16]. Приведем здесь еще несколько выдержек из писем Рериха, которые говорят сами за себя и не оставляют сомнений, что судьба и Германовой, и Калитинского, не получивших «требуемую ими плату», и значит, судьба Института Кондакова была предрешена. Ведь все в этом мире связано воедино! Итак, «Мадам де Во пишет о «сорвавшейся с цепи» Германовой» [17]. «От Шклявера слышу, что Германова, по-видимому, впала в самое злостное одержание и лжет, и предательствует, где может и успеет, служа демонам» [18]. «Как и Вы (М.А.Таубе — ред.) пишете, Германова предательствует во всю, и печальнее всего то, что она совершает это предательство во имя Христа. Как ужасно, что это самое святое Имя может служить одержимым для их разрушительных целей. Но Свет побеждает тьму» [19].

VII.

Более чем два с половиной года переписки не дали желаемого сотрудничества Института Кондакова и Института Урусвати. Тем не менее, в период с 1929 по 1932 год были сделаны шаги навстречу друг другу, приведшие к некоторым полноценным научным результатам.

Обмен идеями в области изучения древней культуры России и Востока, а также — периодическими изданиями (сборниками «*Seminarium Kondakovianum*» и журналами «*Urusvati*») является сам по себе научным достижением, дающим на перекрестии мыслей новое видение и перспективу расширения задач обоих учреждений. Высказывается предложение о совместном проведении научного конгресса по скифам — «Хорошо было бы встряхнуть старую Европу международным съездом "скифологов"» [20]. Через Семинарий был налажен контакт Рерихов с Г.В.Вернадским, получивший впоследствии, в конце 30-х годов, самостоятельное развитие на основе евразийского подхода в науке и культуре.

В серии «Скифика», которую начинал издавать еще Семинарий, а затем продолжил Институт Кондакова, вышла книга Ю.Н.Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» (1931). Она стала

заметным явлением в области мировой «скифологии» и оказалась в одном ряду с книгами таких известных авторов, посвятивших свои труды этой же теме, как М.Ростовцев (Rostovtseff) и Н.Феттих (Fettich). Кроме того, по предложению Н.К.Рериха издательство «Seminarium Kondakovianum» вело подготовку к печати «Жития Св.Иосафа» и репродукции иконы Св.Иосафа.

Однако, в целом диалог руководителей Института Урусвати и Института им. Н.П.Кондакова не привел к ожидаемому итогу переговоров и остался неудавшимся опытом взаимоотношений, упущенной возможностью для совместной научной работы. 3 июня 1932 года исполнительный директор пражского Института Н.П.Толль направил в Музей Рериха письмо с благодарностью за детальное разъяснение возникшей ситуации и сожалением, «что цепь взаимных непониманий в вопросе о финансовой помощи Институту Кондакова не принесла обеим сторонам каких-либо положительных результатов» [21]. Дальнейшая переписка Музея в Нью-Йорке и Института Кондакова шла лишь по поводу пересылки находившейся в Праге части тиража книги Ю.Н.Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета».

Открытие новых источников является лишь шагом на пути изучения взаимоотношений двух институтов. Этот непростой вопрос из истории деятельности научных учреждений, основанных русской эмиграцией, требует работы в пражских архивах, дополнительных исследований со стороны ученых Чехии и Словакии, объединяющих свои усилия с российскими коллегами на ниве научных поисков.

В приложении публикуется переписка Ю.Н.Рериха и А.П.Калитинского, которая находится, по описям 1952 года, в основном в архиве Института истории искусств АН ЧР (КІ-12, Sv. 2, 1-86). В нашем распоряжении — ксерокопии документов.

Источники

1. Рерих Н.К. Письмо к А.П.Калитинскому, 05.06.1930 // Архив Института истории искусств АН ЧР (АИИИ АН ЧР) (Archiv Ústav di jin umí pí AV ER). КІ-19/113, л.5-5 об. Автограф.
2. Рерих Н.К. Письмо к А.П.Калитинскому, 05.09.1930 // АИИИ АН ЧР. КІ-19/113, л.3. Автор. машинопись. Перевод с англ.
3. Калитинский А.П. Письмо к Н.К.Рериху, 01.09.1930 // АРИУР. Ф.1, оп.7, д.4, л.1. Автограф, ксерокопия.
4. Рерих Н.К. Письмо к А.П.Калитинскому, 22.09.1930 // АИИИ АН ЧР. КІ-19/114, л.64. Автор. машинопись. Перевод с англ.

5. Мартен М. Письма к Н.К.Рериху // Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ). Ф.44, оп.1, дд.977-988; Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (ОР и РК РНБ в СПб). Ф.1000, поступление 1957.84, лл.5, 9. Автографы.
6. Протоколы заседаний ИРАО // Архив Института материальной культуры РАН. Ф.3, д.305, лл.5-6; Ф.3, д.403, л.166.
7. Рерих Н.К. Письмо к Н.П.Кондакову, 22.12.1901 // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПб ФА РАН). Ф.115, оп.4, д.353, 2 л. Автограф.
8. Калитинский А.П. Письмо к Ю.Н.Рериху, 20.09.1931 // АРИУР. Ф.1, оп.7, д.17, л.3. Авторизован. машинопись.
9. Там же. Л.4.
10. Шклявер Г.Г. Письмо к Ю.Н.Рериху, 02.03.1932 // АРИУР. Ф.1, оп.7, д.23, л.2. Авторизован. машинопись.
11. Калитинский А.П. Письмо к Ю.Н.Рериху, 20.09.1931 // АРИУР. Ф.1, оп.7, д.17, л.14. Авторизован. машинопись.
12. Письмо Совета директоров Музея Рериха в Институт имени Кондакова, <28.03.1932> // АРИУР. Ф.1, оп.7, д.24, л.1. Машинописная копия.
13. Рерих Н.К. Письмо к М.Н.Германовой, 09.10.1930 // АИИИ АН ЧР. КИ-19/114, л.72. Машинописная копия.
14. Рерих Н.К. Письмо к М.Н.Германовой и А.П.Калитинскому, 09.01.1931 // Там же. Л.58.
15. Рерих Н.К. Письмо к М.А.Таубе, 19.11.1931 // Бахметьевский архив Колумбийского университета (США). Коллекция Таубе, ящик 1. Авторизован. машинопись.
16. Там же. 24.07.1933.
17. Там же. 31.03.1932.
18. Там же. 13.03.1932.
19. Там же. 19.04.1932.
20. Калитинский А.П. Письмо к Н.К.Рериху, 16.12.1930 // АРИУР. Ф.1, оп.7, д.11, л.1. Автограф, ксерокопия.
21. Толль Н.П. Письмо в Музей Рериха в Нью-Йорке, 03.06. 1932 // АРИУР. Ф.1, оп.7, д.25, л.1. Машинописная копия.

Литература

- Аксенова Е.П. Институт им.Н.П.Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А.В.Флоровского) // Славяноведение. 1993. № 4. С.63-74.
- Отчет о состоянии Императорского Московского Археологического Института им. Императора Николая II в 1912-1913 академическом году. М., 1914.

- Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
Рерих Н.К. Держава Света. Салсбюри: Алтас, 1931. С.51.
Рерих Н.К. Нерушимое. Рига: Виета, 1991. С.208-211.
Рерих Ю.Н. Эвериный стиль у кочевников Северного Тибета. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1931.
Seminarium Kondakovianum. Т. I-XI. Прага, 1927-1940.
Эрнст С. Н.К.Рерих. Петроград: Издание Общины Св.Евгении, 1918. С.115.
Journal of Urusvati Himalayan Research Institute. Vol.I. New York, 1931; Vol.2-3. Calcutta, 1932, 1933.
Message of 1930. New York: Roerich Museum Press, 1931. P.6.
Rhineland L.H. Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol.XVI. № 3. P.331-352.
Skálová Z. Das Prager Seminarium Kondakovianum, später das Archäologische Kondakov-Institut und sein Archiv (1925-1952) // Slavica Gandensia. 18-1991.

Санкт-Петербург,
5.X.1995

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕПИСКА ДВУХ ДИРЕКТОРОВ — Ю.Н.РЕРИХА И А.П.КАЛИТИНСКОГО

1.

Ю.Н.Рерих — А.П.Калитинскому*

3 июля 1930 г.

Профессору А.П.Калитинскому
директору Семинария Кондакова,
Прага, Чехословакия

Мой дорогой профессор Калитинский,

С превеликим удовольствием извещаю о Вашем избрании членом-корреспондентом Института Гималайских исследований, которое осуществлено по решению Попечителей Музея Рериха и Правления Институ-

---

* На бланке Института Гималайских исследований «Урусвати»; перевод с английского.